

В.Т. Сакаев

V.T. Sakaev

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ
ФАКТОР
В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ
КОНФЛИКТАХ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ АНАЛИЗА**

**DEMOGRAPHIC
FACTORS IN THE ETHNO
POLITICAL CONFLICTS:
METHODOLOGICAL
ASPECTS
OF THE ANALYSIS**

Аннотация:

В статье рассмотрено влияние демографического фактора на этнополитические процессы в Российской Федерации и на постсоветском пространстве. Автором исследованы характер и специфические особенности влияния демографических и миграционных процессов на межэтнические отношения и генезис этнополитического конфликта. Описаны современные примеры воздействия демографических и миграционных процессов на этнополитические конфликты в России и на постсоветском пространстве. Сформулированы методологические подходы к изучению влияния демографического фактора в этнополитических конфликтах.

Ключевые слова:

демографические и миграционные процессы, межэтнические отношения, этнополитический конфликт, Российская Федерация, постсоветское пространство, методология анализа

Abstract:

The influence of the demographic factor on the ethno political processes in the Russian federation and the former Soviet Union is observed. The author has studied the character and peculiarities of the effect on the interethnic relations and origin of the ethno political conflict produced by the demographic and migration processes. The modern examples of demographic and migration processes on the ethno political conflicts in Russia and the former Soviet Union are described. The methodological approaches to study of the demographic factor influence on the ethno political conflicts are defined.

Key words:

demographic and migration processes, interethnic relations, ethno political conflicts, the Russian Federation, the former Soviet Union, methodological analysis

Этнополитические конфликты становятся одним из важнейших явлений современных политических процессов во всех регионах мира. На генезис и развитие этнополитических конфликтов оказывают влияние целый ряд факторов. Среди этого множества факторов, влияющих на возникновение и протекание этнополитических конфликтов, немаловажное место занимает демографический фактор, причем в ряде случаев демографический фактор оказывает существенное, если не решающее воздействие на возникновение этноконflikта. Именно демографические процессы создают фон, формируют условия для возникновения межэтнического напряжения, которое при наличии других факторов – экономических, социальных и политических, и при возникновении серьез-

езного повода может перерасти в этнический конфликт и даже в этнополитический конфликт. При этом под демографическим фактором следует понимать совокупность процессов естественного и механического движения населения, формирующих конфликтотенциал в сфере межэтнических отношений или провоцирующих открытое межэтническое противостояние в определенной стране, регионе, местности.

Важным вопросом является определение места и роли демографического фактора в этнополитических конфликтах. Какие именно демографические и миграционные процессы влияют на возникновение этнополитических конфликтов. В чем проявляется это влияние? Какую роль в развитии конфликта играет вышеуказанный фактор? Каковы закономерности воздействия демографического фактора на этноконфликт, каковы его характерные особенности? Каким образом можно преодолеть негативное влияние демографических и миграционных процессов с целью предотвращения или санации межэтнического конфликта? Поиску ответов на эти вопросы посвящена данная статья.

Необходимо отметить, что по вопросу о форме проявления демографического фактора в российской политической науке существует ряд подходов.

Например, по мнению В.Н. Коновалова и Х.М. Маджида, следует выделять социально-экономические, политико-правовые, исторические, культурные, психологические, экологические причины этнических конфликтов. При этом, в своей сущности социально-экономические причины сводятся к стремлению различных этнонациональных групп получить статус субъекта экономических отношений, доступ к ресурсам и контроль над ними. К числу социально-экономических причин указанные авторы относят и демографические факторы, такие как уменьшение продолжительности жизни, высокий уровень детской смертности и т.д. [10, с. 29-30]

Известный российский этнолог А.П. Садохин, среди причин этнических конфликтов в бывшем СССР и нынешнем постсоветском пространстве, называет т.н. «этнодемографические причины»: быстрое изменение соотношения численности контактирующих народов вследствие миграции и различий в уровне естественного прироста населения [15, с. 230]. Кроме этого, А.П. Садохин перечисляет еще ряд причин возникновения этноконфликтов, которые также можно считать имеющими «демографическую подоплеку»:

- в результате многочисленных миграций населения изменялись границы расселения этносов и государств;

- модернизация и интеллектуализация народов приводит к тому, что в престижных видах деятельности возникает конкуренция между титульными и основными этносами, представители титульных этносов

начинают претендовать престижные и привилегированные места, в том числе во власти;

- разделение труда между этническими группами, в результате чего складывается конкуренция между сферами труда, которая может переноситься и на сами этнические группы [15, с. 228-230].

Этнический конфликт, по мнению А.П. Садохина, может проявляться и в виде т.н. «начавшейся этноизбирательной миграции из региона, которую общественное мнение данной группы определяет как «исход», «массовое переселение» и т.п. и которая существенно изменяет местный этнодемографический баланс в пользу остающихся этнических групп». Когда появляются политические силы декларирующие необходимость изменения сложившегося положения в интересах указанной этнической группы и начинаются спонтанные акции протеста, то можно говорить о начале этнического конфликта. [15, с. 232-233]

Также одним из примеров влияния демографического фактора на возникновение конфликтной ситуации ряд авторов называют рост диспропорции в распределении населения и ресурсов в разных регионах и странах.

Таким образом, под влиянием демографического фактора на этнополитические конфликты, следует понимать, особенности естественного и механического движения определенных этнических групп в конкретном микро- или макрорегионе, которые провоцируют межэтническое напряжение, находящее свое выражение в этнополитическом противостоянии. Собственно, к формам проявления демографического фактора можно отнести изменение (или угрозу изменения) этнодемографического баланса в результате миграций и (или) различий в структуре естественного воспроизводства в конкретной стране, регионе, местности.

Причем миграции, провоцирующие конфликт, могут быть направлены как в регион, так и из него. Также важное значение имеют: интенсивность миграционных потоков и число накопленных в стране мигрантов, а также этническая, языковая, религиозная и культурная характеристика мигрантов. Но, нужно учитывать, что миграции и перемещения выступают важнейшим фактором этнополитических конфликтов только в условиях недостатка ресурсов и неудовлетворенности основных экономических, социокультурных и политических интересов населения. Это провоцирует в обществе поиск «виноватых» и, таковыми, прежде всего, оказываются этнически «чужие».

Процессы естественного движения, влияющие на возникновение этнического конфликта, могут выражаться как в росте, так и в сокращении рождаемости, смертности, продолжительности жизни, изменении возрастнo-половой структуры населения. Однако, такое изменение должно оказывать влияние на этнодемографический баланс в регионе.

Если все представленные в регионе этнические группы демонстрируют схожие или сопоставимые тенденции в естественном движении, то процессы естественного движения населения, в свою очередь, могут и не провоцировать этноконфликт. В тоже время, далеко не любое изменение этнодемографического баланса провоцирует конфликт, а только существенное, ярко выраженное изменение, угрожающее изменению властного или ресурсного потенциала определенной этнической группы. Сам по себе рост численности населения, как правило, не бывает источником межэтнических конфликтов, но налагаясь на ситуацию социальной напряженности в результате экономического или политического кризиса, воздействие демографических факторов на возникновение конфликтных ситуаций резко возрастает. В ряде случаев, рост численности населения может провоцировать этноконфликт, однако, для этого необходимо влияние других, прежде всего экономических факторов: усиление конкуренции в сфере труда, падение качества жизни и т.д.

Возможными проявлениями демографического фактора межэтнической напряженности, на взгляд автора, являются:

- Процессы территориальной концентрации нации, сопровождающиеся процессами ассимиляции и интеграции населения других этнических групп, которые особенно активно идут в ряде постсоветских республик. Например, в Казахстане в 1990-2000-е гг. активно реализовывалась политика возвращения соотечественников-оралманов. Она привела, с одной стороны, к росту численности казахов в Казахстане с 6,5 млн. в 1989 г. до 9,3 млн. в 2007 г. и доли казахов в населении страны – с 44% до 59,8%, а с другой стороны, к массовому оттоку неказахского населения из республики [19, с. 96-97]. Более того, переезд в Казахстан примерно 300-400 тыс. оралманов вызвал межэтническое напряжение в республике, причем, даже в среде этнических казахов [2, с. 105-124].

- Конкуренция за власть национальных элит в полиэтничных обществах. Такие претензии, как правило, обосновываются изменением численности этнической группы. Например, в Дагестане существует система негласного этнического и территориального квотирования при распределении руководящих должностей во властных структурах и учреждениях республики между 14 этносами, конституирующими республику [1, с. 216-220]. Подобная система отводит чрезвычайно важную роль демографическим процессам, поскольку различия в воспроизводстве разных этносов или, даже, банальные махинации во время переписи населения, могут нарушить этнодемографический баланс и спровоцировать этнополитический конфликт. В этом отношении хорошо известен печальный пример Ливана, в котором этнорелигиозный конфликт во многом был спровоцирован демографическим фактором. В 1974 г. в этой стране

вспыхнула национально-религиозная война, причиной которой стали различные темпы роста христианского и мусульманского населения. Учитывая, что конфессиональные особенности структуры населения были положены в основу организации государственных институтов, конституционные основы организации государственных институтов перестали отражать реальную этнодемографическую структуру избирателей. Эти процессы усилились социально-экономическим неравенством христианского и мусульманского населения. В результате, демографические процессы стали детонатором ливанской трагедии.

- Массовые миграционные потоки, носящие взрывной характер, часто провоцируют межэтническое напряжение, способное под влияние ряда других причин социально-экономического и культурного характера, перерасти в этнополитический конфликт. Еще в начале 1990-х гг., российский демограф А.В. Топилин сформулировал понятие «этнический миграционный потенциал» (ЭМП) и предложил обозначать им объем населения каждой этнической группы, которое потенциально способно к территориальному перемещению. В экстремальных ситуациях, таких как вооруженные конфликты или экологические бедствия, этот показатель может возрастать до численности всей этнической группы или этноса [17, с. 16-17]. Именно подобные миграции приводят к взрывному росту численности этнической группы в определенном регионе. Подобные миграционные процессы сегодня имеют место во многих регионах Российской Федерации. В ряде регионов России этнические миграции уже привели к существенному изменению этнического баланса: в Москве, Краснодарском и Ставропольском краях, Астраханской области, Саратовской области, дальневосточных регионах. В Тюменской области в 2006-2009 гг. миграционные процессы привели к увеличению доли мусульманского населения в 1,5 раза с 6,0% до 9,2%, так как среди вынужденных переселенцев на юге области доля мусульман составляет 24%, а среди временных трудовых мигрантов – 60% [9, с. 297-298]. В Саратовской области, по данным В. Динеса и А. Николаева, удельный вес русских составляет около 80%, но в двух приграничных с Казахстаном районах русские уже в меньшинстве, а в 17 населенных пунктах области большинством являются чеченцы; в Ровенский район Саратовской области в 2004 г. переселились из Киргизии 30 дунган, а через пять лет в районе их уже проживало более 2000 человек [6, с. 5-6]. Из-за стремительного роста, в основном вследствие миграций, численности этнических групп армян, турок-месхетинцев, представителей других закавказских и северокавказских народов, создается прямая угроза «балканизации» Ростовской области. Причем, активно происходит расселение мигрантов в традиционно моноэтнических сельских районах. Так, по данным Г.С. Денисовой численность армян в Ростовской области увеличилась в 1989-

2002 гг. с 62,5 тыс. чел. до 145,5 тыс. чел, а места их расселения - с 2 районов до 16 районов, кроме того, численность представителей других народов Кавказа увеличилась за этот же период от 1,5 до 7 раз [5, с. 71-72]. Схожая картина наблюдается и в Ставропольском крае, куда за последние два десятилетия прибыло около 1 млн. мигрантов из Чечни, Ингушетии, Армении, Азербайджана, Грузии, среднеазиатских республик и Казахстана при общей численности населения края в 2,72 млн. чел. В Краснодарский край за это же время прибыло более 1 млн. мигрантов армян, азербайджанцев, грузин, крымских татар, греков, турок-месхетинцев, причем армяне, численность которых составляет уже около 300 тыс. чел., стали второй после русских этнической группой в крае. Кроме того, в 1989-2002 гг. выросла численность курдов на 85%, ассирийцев на 64%, грузин на 43%. Подобные массовые миграции порождают рост цен на недвижимость, обострение конкуренции на рынке труда, ведут к снижению уровня жизни в регионе, вызывают перегрузку системы образования и медицины. Кроме того, миграционные потоки на Северном Кавказе нарушают этническое разделение труда, вызывают страх перед возможной ассимиляцией и утратой национальной идентичности, провоцируют обострение этнической конкуренции в борьбе за власть и ресурсы.

Причем, свое выражение в форме этнополитического конфликта демографические процессы могут найти и по прошествии десятилетий. Например, современный этнополитический конфликт между русскоязычным населением и представителями титульной нации в прибалтийских республиках обусловлен массовыми миграционными процессами в советское время. Так, за 1959-1989 гг. численность увеличилась: в Литве русских - с 231 тыс. до 344 тыс. чел. (на 49%), литовцев - с 2151 тыс. до 2924 тыс. (на 36%); в Латвии русских - с 556 тыс. до 905 тыс. чел. (на 63%), латышей - с 1298 тыс. до 1388 тыс. (на 7%); в Эстонии русских - с 240 тыс. до 475 тыс. (на 98%), эстонцев - с 893 до 963 тыс. (на 8%) [4; с. 88]. В результате, такой взрывной рост численности русского населения в течение всего двух демографических поколений спровоцировал среди местного населения боязнь утраты собственной идентичности. Быстрое увеличение численности некоренного населения в сочетании с непродуманной культурной политикой стало одной из главных причин резкого обострения межнациональных отношений в 1990-2000-е гг. Разные темпы естественного прироста населения при этнических различиях темпов миграции могут менять состав населения регионов, что может вести к обострению межэтнических и региональных конфликтов.

- Неравенство этносов в полиэтничных государствах, которое, прежде всего, обусловленное численностью этносов и этнических групп.

Например, Конституция РФ провозглашает Российскую Федерацию многонациональным государством, но при этом даже такие крупные этносы и этнические группы как татары, украинцы не обладают равными возможностями по сравнению с русским этносом, не говоря уже о политическом потенциале т.н. «малых народов». Подобная ситуация наблюдается также в Украине в отношении русского, крымскотатарского населения и т.д., а также в некоторых других государствах бывшего СССР.

- Распространение этносоциальной стратификации общества, особенно в России, тоже порождает межэтнические конфликты. Например, выходцы с Кавказа доминируют в сфере розничной торговли и общепита, выходцы из республик Средней Азии - в сфере строительства и т.д.

Говоря о характерных особенностях влияния демографического фактора необходимо назвать его относительное постоянство. Миграционные потоки, как правило, обладают определенной стабильностью, а тренды естественного движения достаточно инертны и, чаще всего, меняются в течение не менее чем 1-2 демографических поколений. С той точки зрения, что фон для этнической напряженности формируют демографические процессы, а демографические тенденции отличаются относительным постоянством, так как детерминированы объективными закономерностями, то, можно утверждать, что полностью и сразу исключить демографические предпосылки для рецидива этноконфликта крайне сложно, даже после его принудительного силового погашения.

Еще одной особенностью влияния демографического фактора является прямая зависимость между уровнем рождаемости, возрастной структурой населения и конфликтогенным потенциалом данной демографической структуры. Вероятность социальной напряженности резко возрастает при сохранении высокой рождаемости, обуславливающей формирование молодой возрастной структуры населения. Эта ситуация характерна для развивающихся стран, где доля населения в возрасте до 15 лет составляет 30% и более. Демографический фактор, увеличивая масштабы аграрного перенаселения, усиливает отток сельской молодежи в города. Значительная масса мигрантов – это молодежь в возрасте 15-29 лет, которые не имеют профессиональной подготовки и не обладают специальностями, в которых бы нуждалось городское хозяйство. Миграция сельского населения в города способствует процессу пауперизации [16, с. 41]. Если же миграционные потоки при этом обладают этническими отличиями от принимающего населения и нарушают этнодемографический баланс в регионе, то межэтническая напряженность практически неизбежна. Таким образом, этнополитический конфликт провоцируется не столько ростом численности населения, сколько увеличением доли лиц молодого возраста. Для возникновения этнополитического конфликта население должно быть «молодым», потому что

именно молодежь наиболее агрессивна, склонна к поддержке радикальных идей и готова к активным действиям. Например, по данным социологического исследования, приведенным Л. Дробижевой, сторонников силовых действий в сфере межэтнических отношений в российском обществе больше среди молодежи: среди тех, кому 18-25 лет таковых 46%, а среди тех, кому 50 лет и старше – только 36-37% [7, с. 47-48].

Еще одной характерной особенностью влияния демографического фактора является то, что эпицентром этнополитического конфликта, как правило, становятся городские местности, как очаги скопления разноэтничного населения, территории его активного пересечения и тесного взаимодействия. В тоже время, для того, чтобы такая концентрация населения происходила, необходимо наличие постоянного и достаточно мощного притока населения из сельской местности, то есть уровень рождаемости в сельской местности должен поддерживаться на высоком уровне.

Изменение этнодемографической структуры населения отдельных регионов нередко провоцирует этнополитические конфликты не только в этом регионе, но и в стране в целом. Например, отток русского населения с территории ряда субъектов РФ (Чечня, Дагестан, Ингушетия) в значительной степени провоцирует в стране лозунг «Хватит кормить Кавказ!». Выравнивание уровня жизни представителей разных этносов, на фоне депопуляции русского этноса при одновременном росте численности титульного населения в большинстве республик Северного Кавказа, провоцирует межэтническое напряжение (см. Таб. 1). Если бы население в Чечне и других республиках Северного Кавказа было бы преимущественно, или в значительной степени, русским, наверно, этот лозунг в политическом дискурсе российского общества вообще бы не присутствовал.

Таблица 1. Доля русского населения в национально-территориальных образованиях в Северо-Кавказском федеральном округе (1989-2010 гг.)*

Субъект	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Республика Кабардино-Балкария	31,9	25,1	22,5
Республика Ингушетия	23,1	1,2	0,8
Республика Дагестан	9,2	4,7	3,6
Республика Карачаево-Черкесия	42,4	33,6	31,3
Чеченская Республика	23,1	3,7	1,9

* Составлена автором по данным Федеральной службы государственной статистики: <http://www.gks.ru/>

С другой стороны, сокращение численности титульной национальности в отдельных субъектах РФ (Карелия, Удмуртия, Коми, Еврейская автономная область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО) ставит на повестку вопрос о целесообразности сохранения этих национально-территориальных образований. Обусловлена эта идея именно этнодемографическими процессами. Реализация же указанного проекта может, в свою очередь, запустить механизм межнационального конфликта в масштабах всей федерации, так как ликвидация отдельных национально-территориальных субъектов может стать опасным прецедентом.

По мнению Л.Б. Внукова, демографические факторы непосредственно влияют на возможности реализации и обеспечения достойного уровня жизни населения, что может являться одной из причин социально-политической напряженности или «латентного конфликта» [3, с. 59-60]. Старение населения, на наш взгляд, также может порождать этнополитическую напряженность, так как рост доли лиц старше трудоспособного возраста будет сопровождаться, в силу демографических тенденций, увеличением в нем доли русского населения, в то время как доля населения старше трудоспособного возраста, например, в национальных республиках Северного Кавказа, вследствие относительно высокой рождаемости будет существенно ниже. Может ли этот фактор провоцировать этнополитическую напряженность в российском обществе?

С другой стороны рост численности трудоспособного населения также может провоцировать этнополитический конфликт. К примеру, основной предпосылкой этнополитического конфликта в Ферганской долине в 1989 г. послужил рост численности трудовых ресурсов. В 1980-х гг. в среднем ежегодно трудовые ресурсы в Ферганской долине увеличивались на 22,4 тыс. чел. [12, с. 313-314], что в условиях социально-экономического спада провоцировало социально-экономическую напряженность, которая нашла свое выражение в росте межнациональной вражды. Условно говоря, в РСФСР в 1959-1989 гг. численность и доля населения в возрасте 20-24 года уменьшились, а в Узбекистане – они выросли почти в 3 раза [4, с. 87]. Таким образом, фактором этнополитического конфликта могут послужить не только различия в воспроизводстве различных этнических групп, но и просто высокий уровень воспроизводства населения, отягощенный социально-экономическими трудностями. В этом случае, уже даже не играет роли наличие языковых, культурных и конфессиональных различий, каких между узбеками и турками-месхетинцами практически не было. Вскоре после конфликта в решении Ферганского облисполкома №509/25 от 23.12.1989 г. было отмечено: «Сложившаяся демографическая ситуация в Ферганской области, требования совершенствования форм и методов хозяйствования, повышение уровня жизни населения выдвигают рациональное использование трудовых ресурсов в одну из наиболее актуальных про-

блем, имеющих острое социально-экономическое и политическое значение. В области принимаются определенные меры по обеспечению занятости быстрорастущих трудовых ресурсов, однако масштабы этой работы и ее направленность еще не полностью реализуют конституционное право на труд всех трудоспособных граждан, что отрицательно влияет на уровень благосостояния народа, обостряет морально-психологическую обстановку в городах, районах, поселках и кишлаках. Необходимы кардинальные меры, способные преломить негативные тенденции о занятости населения и использования трудовых ресурсов» [12, с. 317]. Демографическим последствием межэтнического конфликта стало сокращение в результате миграций численности турок-месхетинцев в Ферганской долине с 207,5 тыс. в 1989 г. до 40 тыс. к концу 1990-х г. [12, с. 313, 318].

Различия в уровне рождаемости и смертности различных этнических групп внутри страны также могут порождать этнополитические конфликты, если эти различия носят негативный характер и касаются этнического меньшинства. Причина в том, что эти особенности процессов естественного воспроизводства могут быть трактованы как систематическая политика государства или этнического большинства в отношении других этнических групп.

Рассмотрим несколько характерных примеров этнополитических конфликтов в современной России и на постсоветском пространстве, в возникновении которых достаточно отчетливо прослеживается влияние демографического фактора.

Характерным примером такого воздействия являются события в Кыргызстане в 2010 г. Этнополитический конфликт произошел в мае-июне 2010 г. между киргизами и узбеками в Ошской и Желал-Абадской областях на юге Кыргызстана, в результате которого погибли и были ранены более 2000 человек и стали беженцами около 100 тыс. из числа узбекского населения. Известно, что общая численность узбекского населения Кыргызстана составляет около 700 тыс. чел. При этом, узбекская диаспора в основном занимает именно Ошскую и Желал-Абадскую области на юге страны. В недавнем прошлом там появились организации, лидеры которых стали выдвигать требования об обязательной квоте для узбеков в парламенте и органах государственной власти, о необходимости законодательного закрепления поста губернатора Ошской области и мэра города Ош за лицами узбекской национальности. Ситуация осложнялась тем, что по всему периметру узбекско-кыргызской границы протяженностью около 1300 км существует, по разным оценкам, от 70 до 130 спорных участков, особенно много их в Ферганской долине [8, с. 78-79].

Ошская и Желал-Абадская области в 1999-2009 гг. демонстрировали наибольший естественный прирост численности населения: 174,2 тыс. чел. и 190,2 тыс. чел. соответственно, что обеспечило, даже в условиях отрицательного миграционного баланса, прирост численности постоянного насе-

ления на 16,4% и 17,2%, при том, что в целом население Кыргызской республики выросло всего на 11,3% или 739,2 тыс. чел. [13, с. 32, 37]. При этом, численность кыргызов и узбеков выросла в 1999-2009 гг. на 118,3 тыс. и 38,7 тыс. в Джалал-Абадской области и 110,6 тыс. и 46,9 тыс. в Ошской области. Доля узбеков за этот же период увеличилась в Джалал-Абадской области с 31,9% до 32,6%, в Ошской области – сохранилась на уровне 55% [13, с. 87-88, 90]. Результатом высоких темпов прироста численности населения, включая узбеков и кыргызов, стал этнополитический конфликт в 2010 г. В предыдущем 2009 г. Ошская область продемонстрировала самый низкий медианный возраст населения, он составил всего 21,9 лет, и индекс старения, он составил 15,4. В целом по Кыргызской Республике эти показатели находились на уровне 23,7 лет и 21,2 соответственно. В тоже время, в Чуйской области, где также наблюдался рост численности населения и численности этнических групп, эти показатели составили: 27,1 лет – медианный возраст и 32,7 лет – индекс старения населения. Поэтому, даже в условиях роста численности этнических меньшинств, этнических столкновений в Чуйской области ожидать в ближайшее время, видимо, не следует. Этого, однако, нельзя сказать о Джалал-Абадской области, где медианный возраст населения составляет 22,2 года, а индекс старения 15,3 года [13, с. 78]. В результате высокого уровня рождаемости численность населения в Ошской области в 1999-2009 гг. выросла с 939,2 тыс. чел. до 1101,2 тыс. чел., а Джалал-Абадской области – с 865,2 тыс. чел. до 1006,8 тыс. чел. [13, с. 242-244].

Кстати, демографические прогнозы, выполненные М.Б. Денисенко, показывают, что, в дальнейшем, рождаемость и у кыргызов и у узбеков будет продолжать возрастать. Суммарный коэффициент рождаемости в расчете на одну женщину в 2009 г. составлял у кыргызов – 2,92 и у узбеков – 2,42, а в 2020 г. будет составлять 3,08 и 2,48 соответственно. Только к 2030 г., суммарный коэффициент рождаемости кыргызов и узбеков в Кыргызстане упадет ниже уровня простого воспроизводства населения – 1,57 и 1,61 соответственно [13, с. 286]. Но, за этот период до 2030 гг. по прогнозам ИДЕМ численность кыргызов возрастет с 3805 тыс. чел. до 4789 тыс., а их доля увеличится с 70,9% до 75,3%. У узбеков численность возрастет с 768 тыс. до 959 тыс., а доля в населении увеличится с 14,35% до 15,1%. Население Ошской области вырастет за этот же период с 1118 тыс. до 1339 тыс. и Джалал-Абадской области – с 1023 тыс. до 1243 тыс. чел. [13, с. 313, 315]. Поэтому, на наш взгляд, новая вспышка этнического противостояния в этом регионе в период до 2030 г. практически неизбежна, при этом сохраняется высокая вероятность того, что она охватит и Ошскую, и Джалал-Абадскую области.

Эскалация межэтнического напряжения в Карачаево-Черкесии в 2008-2010 гг. также имеет демографические корни: доля карачаевцев в составе

населения республики увеличилась с 31,2% в 1989 г. до 40,6% в 2010 г., за этот же период доля черкесов возросла с 9,7% до 11,8%, а абазин – с 6,6% до 7,7%. Таким образом, с 1989 по 2010 гг. доля абазин в населении республики выросла на 16,6%, черкесов – на 21,6%, а карачаевцев – на 30,1%. Возникает угроза моноэтнизации республики, что провоцирует в ней межэтническую напряженность. Подробнее современное состояние межэтнических отношений в республике рассмотрено в статье Д. Лавриненко [11, с. 26-35].

Обратная ситуация имеет место в Кабардино-Балкарии, где наоборот за 1989-2010 гг. выросла доля балкарцев с 9,4% до 12,6%, то есть в 1,34 раза, а доля кабардинцев увеличилась с 48,2% до 57,0%, то есть всего в 1,18 раза. То есть, темпы прироста населения у балкарцев выше, чем у кабардинцев почти в 2 раза, что вызывает определенную напряженность в кабардинской части населения республики.

Демографический фактор провоцирует этническую напряженность и в Республике Адыгея, где адыгейцы составляют всего 24,3% населения республики, а русские – 61,5%. Это межэтническое напряжение находит свое политическое выражение в виде стремления русского населения к объединению в единый субъект Федерации Краснодарского края и Республики Адыгея. Конфликт подогревается адыгской политической элитой опасующейся утраты в случае объединения политического влияния и доступа к экономическим ресурсам. Поэтому, адыгские депутаты блокируют принятие в республике закона о референдуме, который мог бы стать легитимной основой для инициирования вопроса об объединении с Краснодарским краем [18, с. 66-70].

Еще одно проявление демографического фактора связано с миграционной экспансией в приграничные районы страны. Так, В. Динес и А. Николаев пишут: «Политические последствия этнических миграций пока носят преимущественно латентный характер, проявляясь в серии прокатившихся по стране конфликтов между мигрантами и местным населением. Однако анализ ситуации на региональном уровне позволяет сделать вывод о дальнейшем развитии политических последствий. ... В связи с дальнейшим увеличением численности и экономической роли мигрантов в ряде субъектов Федерации можно прогнозировать неизбежное повышение их политической активности. Это неизбежное явление, и препятствовать ему было бы неразумно. Задача региональных властей – направлять политическую активность мигрантов в легальные рамки публичной политики. Вместе с тем в среднесрочной перспективе указанные тенденции могут привести к возникновению очень серьезной проблемы в приграничных регионах, связанной с национально-территориальным принципом построения РФ. В результате изменения этнического состава меньшинства, превратившись в большинство, могут поставить вопрос об изменении статуса субъекта, вплоть до его отделения от России» [6, с. 8-9]. О подобной опасности пишет и В. Попков, который исследовал и выявил следующие возможные

сценарии общинной стратегии этнических диаспор в российских городах: 1. «Растворение» в принимающем обществе; 2. Сегрегация диаспорных общин; 3. Культурная мозаика («культурный плюрализм»); 4. Этнический компромисс; 5. Экспансия диаспорных общин.

Причем, В. Попков считает, что последний сценарий содержит значительный конфликтный потенциал и может являться предпосылкой для выбора диаспорной общиной стратегии сепаратизма. Это существенно осложнит отношения диаспорной общины не только с властями региона и общинами других диаспор, но и с правительством принимающего государства. Если диаспоры будут увеличиваться в количестве, уровне организации и объемах численности, то можно предположить, что политическая и культурная активность общин диаспор в принимающих регионах только усилится. Осуществление данного сценария возможно лишь в случае неконтролируемого роста численности диаспорных общин в регионе, отсутствия четкой этнонациональной политики и регулирования межэтнических отношений со стороны властей. Кроме того, он предполагает высокий организационный, экономический и политический потенциал диаспорных общин, который может быть использован для получения влияния в регионе. По мнению В. Попкова, сочетание всех этих факторов маловероятно, что делает данный сценарий трудноосуществимым, но вряд ли стоит его недооценивать, учитывая присутствие в арсенале общин значительного количества различных комбинаций, позволяющих эффективно действовать, как внутри принимающего региона, так и на межгосударственном уровне [14, с. 260-268].

Демографические и миграционные процессы могут провоцировать также этнотерриториальный конфликт, который предполагает притязания и споры одной этнической группы за право проживать на той или иной территории, владеть и управлять ею, при одновременном оспаривании права другого этноса проживать здесь: крымские татары, немцы Поволжья, осетины и ингуши в Пригородном районе и т.д.

Демографические процессы определяют и тип этноконфликта. Так в классификации американского ученого Д. Горовитца выделяются следующие типы этноконфликтов: 1. Сепаратизм отсталой этнической группы в отсталом регионе страны; 2. Сепаратизм отсталой этнической группы в развитом регионе страны; 3. Сепаратизм развитой этнической группы в отсталом регионе; 4. Сепаратизм развитой этнической группы в развитом регионе страны [15, с. 236]. По нашему мнению, в первых двух случаях сепаратистская этническая группа имеет традиционный тип воспроизводства, а в последних двух вариантах – современный тип воспроизводства. То есть, на тип этнического конфликта воздействуют и особенности демографического развития этносов.

Подводя итог, следует отметить, что роль и значение демографического фактора в генезисе и протекании этнических и этнополитических

конфликтов признается многими исследователями. Демографический фактор в этнополитических конфликтах состоит в особенностях естественного и механического движения определенных этнических групп в конкретном микро- или макрорегионе, которые провоцируют межэтническое напряжение, находящее свое выражение в этнополитическом противостоянии. Формами проявления демографического фактора являются изменение (или угроза изменения) этнодемографического баланса в результате миграций и (или) различия в структуре естественного воспроизводства в конкретной стране, регионе, местности. Демографический фактор имеет, как показывает опыт, множество вариантов выражения. Серьезную проблему в исследовании демографического фактора составляет отсутствие методологических подходов и приемов к анализу роли демографических и миграционных процессов в генезисе и протекании этнополитических конфликтов. Между тем, проблема влияния демографического фактора на этнополитические процессы становится чрезвычайно актуальной для современной России и ее успешного развития в будущем, так как значительное число современных этнополитических конфликтов на территории Российской Федерации и у ее границ детерминированы демографическими и миграционными процессами. Учет влияния демографического фактора даст возможность, если не прекратить этнический конфликт, то хотя бы не допустить его эскалации и перерастания в этнополитический конфликт.

Литература

1. Адиев А.З. Особенности национального квотирования в органы власти Республики Дагестан / Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития: сб. материалов межд. научно-пр. конф. Вып. 2. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009.
2. Алексеенко А. Казахстан: проблемы иммиграционной политики // Россия и мусульманский мир. 2012. №3.
3. Внуков Л.Б. Методологические аспекты анализа взаимодействия факторов социально-политической напряженности (на примере Северного Кавказа) / Конфликты в социальной сфере : материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Казань: КНИТУ, 2012.
4. Демография: современное состояние и перспективы развития. М.: Высш. шк., 1997.
5. Денисова Г.С. Формирование региональной идентичности как стратегия стабилизации межэтнических отношений в Ростовской области / Роль конфликтологии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества: матер. III международного конгресса конфликтологов. Т. 2. Казань: КГТУ, 2010.

6. Динес В. Социально-экономические последствия этнических миграций в контексте модернизации // Власть. 2010. №12.
7. Дробижева Л. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Россия и мусульманский мир. – 2012. №4.
8. Клименко А. Дестабилизирующие факторы в отношениях между Киргизстаном и Узбекистаном // Россия и мусульманский мир. 2012. №4.
9. Комбарова Т.В. Межнациональные отношения в Тюменском регионе / Конфликты в социальной сфере: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Казань: КНИТУ, 2012.
10. Коновалов В.Н. Теоретико-методологические аспекты анализа этнонационального конфликта / Конфликты в социальной сфере: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Казань: КНИТУ, 2012.
11. Лавриненко Д. Конфликтные процессы в Карачаево-Черкесии (2008-2010 гг.) // Россия и мусульманский мир. 2011. №9.
12. Назаров Р.Р. Ферганский межэтнический конфликт 1989 г.: предпосылки, ход, последствия / Конфликты в социальной сфере: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Казань: КНИТУ, 2012.
13. Население Кыргызстана в начале XXI века / Под ред. М.Б. Денисенко. Бишкек: 2011.
14. Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003.
15. Садохин А.П. Этнология: учебник. М.: Гардарики, 2001.
16. Современная демография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.
17. Топилин А.В. Взаимодействие этномиграционных процессов и их последствия: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.18 / Ин-т социально-политических исследований. М., 1993.
18. Хотян А.В. Органы государственной власти как субъект управления макрорегиональными конфликтами (на примере Краснодарского края и Республики Адыгея) / Роль конфликто-логии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества: матер. III международного конгресса конфликтологов. Т. 2. Казань: КГТУ, 2010.
19. Шустов А. Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2012. №3.
20. Goldstone J. A., Kaufmann E. R., Duffy Tofts M. Political Demography: How Population Changes are Reshaping International Security and National Politics. Boulder, CO: Paradigm Press, 2011.
21. Vera H., Feagin J.R. Handbook of the Sociology of Racial and Ethnic Relations. Springer, 2007.